

— Не сказал бы, что это издевательство. Многие, выиграв международные награды, быстро исчезают из виду. Те, кто предлагал это, просто хотели использовать нас, чтобы привлечь внимание. Моя мама тоже так думала. Она, забыв о гордости, полетела в Вену договариваться с отцом, не спрашивая его согласия, и привезла ту девушку. — Он замолчал на мгновение, затем продолжил:

— Но мама слишком жаждала успеха. В восьмидесятых она была первой женщиной—пианисткой, приглашённой в Германию, и считала себя лучше всех. Но спустя двадцать лет она так и не достигла того, о чём мечтала. Мама — женщина с сильным самолюбием, и она винила во всём отца. Сожалела, что встретила его, что слишком рано родила детей, разрушив свою карьеру. Она считала, что её неудача в том, что в лучшие годы её сдерживали любовь и семья, и она не смогла показать себя миру. Она сказала, что должна использовать этот шанс и сделать меня звездой классической музыки...

— Твоя мама звучит как человек, потерявший рассудок.

— Она заставляла нас гастролировать по всему миру без отдыха, сниматься для обложек журналов, рекламировать себя на телевидении, пытаюсь сделать из нас настоящих «золотых детей».

— Ох... Боже... — Хэ Ци не сдержал возгласа.

— Сначала я терпел изо всех сил, но потом больше не смог.

— Что случилось? Твоя напарница сбежала? — Хэ Ци даже пошутил на этот счёт.

— У меня началось паническое расстройство.

Судя по поверхностным знаниям Хэ Ци о психических заболеваниях, он вряд ли понимал, что означали эти слова. Чаще всего он слышал о депрессии, особенно в больших городах. В офисе то и дело обсуждали, как кто—то из знакомых знакомых покончил с собой из—за депрессии или как малоизвестная знаменитость совершила самоубийство. Но «паническое расстройство»? Он не понимал и не знал, насколько это серьёзно. Однако серьёзное выражение лица Син Яня заставило его насторожиться.

— Это опасно? — спросил он.

— Во время приступов я чувствую, как всё тело холодеет, и не могу дышать. Даже если я пытаюсь глубоко вдохнуть, воздух не доходит до лёгких, будто невидимая рука сжимает мои нос и рот. Единственное, что я чувствую, — это удушающее отчаяние. Свет на сцене ослепляет, шум толпы раздражает нервы. Перед каждым выходом на сцену мне приходится принимать много успокоительных, но их побочные эффекты делают мои чувства притуплёнными, и я не могу играть так, как от меня ожидают. Критика и сплетни только усугубляют моё состояние. Это замкнутый круг, и я чувствую себя пойманым в ловушку, из которой не могу выбраться. Как будто не умеющий плавать человек оказался в воде: он только барахтается, кричит о помощи, но не может выбраться на берег.

— В те дни я часто плакал без причины, а мама только насмеялась, говоря, что моя слабость унаследована от отца. Я стал бояться людей, даже лёгкий стук в дверь комнаты отдыха заставлял моё сердце бешено биться. Я чувствовал, что мне нужен отдых, консультация психолога, а не постоянные гастроли, как марионетка. Но мама не соглашалась. Она считала, что я должен преодолеть свои слабости и победить себя. Смешно, правда? Сын болен, а она всё мечтает быть матерью знаменитого пианиста.

Хэ Ци с сочувствием посмотрел на него и мягко спросил:

— А твой отец ничего не сказал?

— Он не знал. Но даже если бы знал, вряд ли что—то сказал бы. Как говорила мама, моя слабость унаследована от отца, и, хотя он давно ушёл от неё, психологически он всё ещё под её влиянием.

Хэ Ци содрогнулся и с глубоким сожалением произнёс:

— Твоя мама действительно страшная.

— Она очень властная женщина, строгая и требовательная к себе. Её жажда успеха ослепила её, и в то время болел не только я.

— Как ты сбежал? — Хэ Ци наконец задал самый важный вопрос, который больше всего волновал его за последний месяц. После того как Син Янь бесплатно жил у него столько времени, он наконец решился открыться.

Услышав вопрос, Син Янь задумался, прежде чем ответить:

— Мой уход не был связан с тем, что мама что—то сделала в тот день. Скорее, это была последняя капля. Мы гастролировали в Токио, и в зале были только японцы. Я подумал, что, раз всё равно не понимаю их язык, можно расслабиться. В тот день я не принимал лекарств, сцена была затемнена, только два ярких прожектора освещали пианино и скрипачку. Японская публика была очень вежлива, и в зале на несколько сотен человек почти не было шума. Я думал, что всё пройдёт хорошо, и я смогу сыграть как надо. Но перед выходом на сцену я случайно услышал разговор сотрудников. Они стояли в тени, думая, что их никто не слышит, и их разговор становился всё более откровенным. Они были из звукозаписывающей компании, сопровождали нас с самого начала, занимались переговорами с японской стороной и организацией наших поездок. Я не ожидал, что они будут так отзываться обо мне за моей спиной. Мой мозг опустел, и я застыл на месте. Меня почти машинально вытолкнули на сцену, и я, ошеломлённый, стоял под прожекторами, не двигаясь и не садясь за фортепиано. Люди начали перешёптываться, кто—то громко что—то сказал. Хотя я не понял слов, мой приступ паники начался. Мне казалось, что мою душу вырвали из тела. Я видел, как кто—то на краю сцены кричал на меня, его лицо было искажено гневом, но я ничего не слышал. Мне стало страшно, я подумал, что оглох, и в панике сбежал со сцены, пробежал через зал, открыл дверь и выбежал наружу.

— Как ты вернулся? Ты же сбежал в Японии, разве не должен был остаться там?

— Я вернулся в отель, взял паспорт и деньги. Хотел улететь в Германию, но денег не хватило, и я вернулся в Китай. Оказавшись дома, я не думал ни о чём, кроме как убежать подальше от мамы. Сначала я поехал в Пекин, снял все деньги с карты, а в аэропорту сел на первый доступный рейс в Чанша. Поскольку я плохо знал географию Китая, следующие два—три года я скитался по разным провинциям без определённой цели. Мой паспорт потерялся в тот период, и деньги постепенно украли. Когда я добрался до Харбина, я был почти нищим.

— погоди, ты говоришь, что в Харбине у тебя не было денег. Харбин находится на другом конце страны, как ты сюда добрался? Неужели пешком? — удивился Хэ Ци.

— Я ехал на автобусе. В тот момент я думал только о том, что умру, но умру в тёплом южном городе. На севере слишком холодно, я больше не мог терпеть мороз.

— Почему ты поехал в Харбин?

— Кто—то сказал мне, что там проходит ежегодный фестиваль льда, и есть ледяное фортепиано, на котором можно играть. Я хотел попробовать.

— Вот почему, когда я впервые увидел тебя, ты был в зимней одежде.

— Как только я вышел из автобуса, меня ограбили. Всё, что у меня было ценного, украли, и я остался совсем ни с чем. Раньше у меня была длинная тёплая пуховая куртка.

— В июне, в такую жару, если бы ты всё ещё был в той куртке, я бы, наверное, обошёл тебя стороной, — пошутил Хэ Ци.

Син Янь тоже улыбнулся и продолжил:

— Я вышел в городе Х и прошёл долгий путь, чтобы добраться сюда.

— Почему ты выбрал это место? Разве рядом с городом Х нет столицы провинции?

<http://bllate.org/book/16327/1474009>